

ПАМЯТИ ГЕНРИХА ГРИГОРЬЕВИЧА МОНОСОВА

Умер друг у меня – вот такая беда...
Как мне быть – не могу и ума приложить.
Я не думал, не верил, не ждал никогда,
Что без этого друга придется мне жить.

К. Симонов

Нет больше с нами Генриха Григорьевича Моносова – умного и доброго человека, искренне и глубоко переживавшего несправедливость и неправду, замечательного физика, типичного представителя фрязинской научной школы по СВЧ-электронике.

Мы познакомились в 1971 году на одной из конференций, когда я докладывал о режимах циклотронного резонанса в лучевых приборах магнетронного типа, а он критиковал мое выступление. В это время теоретиков, занимавшихся магнетронными приборами, было не так уж много, все знали друг друга и бурно обсуждали любой новый результат. Генрих Григорьевич лучше всех понимал, что творится в магнетроне, и последовательно находил все больше и больше тонкостей и нюансов в теории. Это о нем сказал поэт его же словами: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...». И он старался дойти до нее, будь то теория или какая-либо жизненная ситуация. Генрих Григорьевич окончил физический факультет МГУ, учился прекрасно и готовился стать аспирантом профессора Самсона Давидовича Гвоздовера. Но... получил «тройку» на экзамене по истории КПСС (опять хотел «дойти до самой сути») и оказался в теоретическом отделе знаменитого впоследствии фрязинского «Истока». В Саратове стали проходить в те годы зимние школы по СВЧ-электронике. Начиная со второй школы 1972 года, он стал их постоянным участником как приглашенный лектор. Однако ценность его участия не ограничивалась прекрасно прочитанными

лекциями. Будучи блестящим полемистом, он участвовал во всех дискуссиях, участвовал горячо, говорил порой остро, но всегда доброжелательно. Мы быстро подружились и стали близкими людьми. Близкими стали и наши семьи. Дом Моносовых стал домом друзей для саратовских (и не только саратовских) электронщиков, он стал родным для многих. Как писал К. Симонов:

Дом друзей, куда можно зайти без всякого,
Где и с горя и с радости ты ночевал,
Где всегда примут, и всегда одинаково
Под шумок, чем найдут, угостят наповал...

Генрих Григорьевич любил застолье, любил петь, любил стихи. Мы обменивались с ним незатейливыми праздничными поздравлениями и телефонными звонками. Школы почти всегда приходились на 4 февраля – день его рождения, который мы отмечали в «Волжских даях» – любимой обители электронщиков Союза и России. Он любил детей, и они отвечали ему искренней любовью. Мне никогда не забыть, как он сопереживал моим бедам 2003 года, как старался отвлечь меня от грустных размышлений.

В период с 1972 по 1978 годы наша научная группа печатала, практически, все статьи в журнале «Электронная техника». Их строгим рецензентом был Генрих Григорьевич. Иногда нам приходилось вносить исправления после пятого возвращения статьи с его замечаниями. И всегда замечания улучшали статью, а он улыбался своей чудесной улыбкой и говорил одно и то же: «Платон мне друг, но истина дороже».

Его работы касались не только магнетронных приборов: были его статьи по цепочкам электронных устройств, по теории казавшегося экзотическим пениотрона – своеобразного мазера на циклотронном резонансе. Он первым рассчитал форму пучка в поперечном сечении пениотрона, возникающую в процессе взаимодействия. В его последних работах изложены результаты компьютерного моделирования процесса автомодуляции пространственного заряда в магнетроне. Впервые дана следующая ясная качественная картина этого процесса. Высокочастотное поле резонансной системы, наложенное на статический электронный поток, сначала приводит к образованию выпуклости, на которую постепенно накручиваются новые слои электронов, образуя локальную вращающуюся втулку. Когда верхние слои этой втулки поднимаются достаточно близко к аноду, они под действием высокочастотного поля резонаторной системы отрываются от локальной втулки и постепенно в виде сгустков импульсами оседают на аноде. После оседания сгустка локальная втулка постепенно восстанавливается, и описанный процесс повторяется вновь. Нерегулярность этого процесса определяется тем, что время образования локальной втулки не связано со временем прохождения втулки от одной щели резонаторной системы до другой. Поэтому процесс отрыва порций заряда от локальной втулки начинается каждый раз при новом исходном состоянии втулки; от нее каждый раз отрываются новые порции заряда. Такая хаотическая автомодуляция может быть одной из причин возникновения высокого шумового пьедестала в частотном спектре сигнала, генерируемого магнетроном. Генрих Григорьевич докладывал эти результаты, вызвавшие большой интерес на нескольких российских конференциях, в Саратове и Санкт-Петербурге, а также в республике Корея.

Он очень тяжело переживал фальшь в науке, и в жизни. У него был своеобразный (может быть, в чем-то мальчишеский) протест против показушных советских выборов: Генрих Григорьевич не опускал часть бюллетеней в урну, а уносил их домой. Получалось у него это довольно ловко. Однажды я голосовал вместе с ним в Москве и попробовал проделать то же самое. Мгновенно передо мной вырос какой-то безликий человек в сером и ласково предложил проголосовать. А Моносов опять унёс часть бюллетеней домой и был очень доволен этим.

Мы не раз ездили вместе на электричке во Фрязино. Путь от его дома, а жил я у него, был за долгие годы поездок просчитан по минутам. По моим ощущениям, появившись на перроне, нужно было садиться в ближайший вагон. Нет! Нужно было дойти до второго вагона, потому что там во Фрязино ехали «все лучшие люди». И Генрих Григорьевич размеренно двигался ко второму вагону, приговаривая: «Смотри, пантограф еще не поднят, горит жёлтый свет, успеваем».

Он занимался теорией, но в нем жил экспериментатор, потому что руками он умел делать все. Домашние в шутку называли его «большим мастером мелкого ремонта». К тому же экспериментировал он и над собой: занимался лечебным голоданием, пил какую-то «живую» воду, делая все это с огромным увлечением. Любил дачу, сам делал домашнее вино.

Был счастлив, когда появился внук Володя, с удовольствием рассказывал о том, что тот сказал, что сделал. К сожалению, Генрих Григорьевич был болен, мужественно перенес несколько операций... И вот его нет. И опять о нем Симоновские строки:

Еще в памяти все твои живы черты,
А уже не лечу я сказать тебе «ты».
Говорят: раз ты умер – таков уж закон –
Вместо «ты» про тебя говорить надо «он»,
Вместо слов – что люблю тебя – надо: «любил»,
Вместо слов – что есть друг у меня – надо: «был».
Так ли это? Не знаю. По-моему – нет!
Свет погасшей звезды еще тысячу лет
К нам доходит. А что ей, звезде, до людей?
Ты добрей был её, и теплей и светлей,
Да и срок невелик – тыщу лет мне не жить,
На мой век тебя хватит – мне по дружбе светить.

Трубецков Д.И.